

Посвящается моему сыну Кесу

ПРОЛОГ

Наступило уже третье утро, и запах смолы и водорослей начал въедаться в одежду. Под полом эллинга тихо плескалась ледяная каша, омывая сваи и пробуждая воспоминания о временах, когда все было хорошо.

Он приподнялся на лежанке из бумажного мусора ровно настолько, чтобы разглядеть лицо своего младшего брата: тот спал, но его лицо выражало боль.

Скоро он проснется и примется с недоумением осматриваться вокруг. Обнаружит тугие кожаные ремни, стягивающие запястья и талию. Услышит звон цепи, которой прикован к стене. Увидит метель и свет, сияющий сквозь просмоленные доски. И тогда он начнет молиться.

Бесчисленное множество раз отчаяние вспыхивало во взгляде брата. Вновь и вновь молитвы о милости Иеговы доносились сдавленным хрипом из уст, плотно заклеенных лентой.

Однако они оба знали, что Иегова не удостоит их своей милостью, ибо они отведали крови. Крови, подмешанной похитителем в стаканы с водой, из которых он дал им пить, прежде чем сообщил о содержимом. Они испили воды с запретной кровью, и вот теперь осуждены навечно. А потому стыд жег их изнутри даже сильнее, чем жажда.

«Как ты думаешь, что он с нами сделает?» — вопрошал взгляд младшего брата.

Но откуда было знать ответ? Он лишь инстинктивно чувствовал, что скоро все кончится.

Он вновь лег и в очередной раз осмотрел слабо освещенное помещение. Взгляд его скользил вдоль ригелей и густой паутины, отмечая все выступы и неровности. Ветхие одно- и двухлопастные весла, висевшие на стенах. Прогнившие рыболовные сети, давным-давно принесшие свой последний улов.

И вдруг он заметил бутылку. Солнечный луч, ослепив, мгновенно высветил голубоватое стекло.

Она находилась так близко, и все-таки как же сложно было до нее дотянуться связанными за спиной руками! Бутылка торчала позади него, зажата между двумя половицами. Он сунул пальцы в щель между досками и осторожно взялся за горлышко. Если бы только заполучить бутылку! Он намеревался разбить ее и перерезать осколком ремень, сковывающий запястья. Потом он избавится от ленты, парализующей рот, скинет ремни, стягивающие талию и бедра, и как только цепь, прикрепленная к кожаному ремню, падет, наконец бросится к брату и освободит его. Крепко прижмет к себе и будет держать в объятиях до тех пор, пока их тела не перестанут дрожать.

Затем он изо всех сил примется резать стеклом деревянную дверь. Посмотрим, можно ли выдолбить доски в местах, где крепятся петли. А если случится страшное и автомобиль приедет раньше, чем работа будет закончена, он подкараулит этого человека за дверью, держа разбитую бутылку в руке. Вот что он собирался сделать, так он себе все представлял.

Он подался вперед, сложил онемевшие ледяные пальцы и попросил прощения за свои злые мысли. Затем принялся дальше ковырять щель, чтобы заполучить бутылку. Он скреб и скреб до тех пор, пока та не накренилась настолько, что ее стало возможно вытащить.

Он наострил уши.

Неужели звук двигателя? Точно. Похоже на мощный мотор большого автомобиля. Но приближается ли этот автомобиль к ним или просто едет мимо?

На мгновение звук усилился, и он так яростно потянул за горлышко, что хрустнули суставы пальцев. Однако звук стал затихать. Может, это ветряная установка, которая воеет и грохочет где-то снаружи? Или что-то другое? Он так и не понял.

Он выдохнул, и пар застыл в ледяном воздухе у самого лица. В данный момент он не испытывал особого страха. Чем больше он думал о Иегове и его милости, тем легче ему становилось. Он сжал губы и продолжил начатое. И как только бутылка наконец поддалась, он так яростно принялся колотить ею об пол, что брат рывком поднял голову и в ужасе начал озираться.

Он бил бутылкой по половицам снова и снова. Сложно было размахнуться ею связанными руками, слишком сложно. В конце концов, когда пальцы уже были не в силах удерживать бутылку, он лег и тупо уставился на нее. Пыль в тесной камерке летела с ригелей вниз.

У него не получилось разбить ее. Он просто был не в состоянии. Разбить какую-то ничтожную бутылку. Неужели все из-за того, что они пили кровь? Значит, Иегова их покинул?

Он взглянул на брата, который медленно завернулся в бумажную подстилку и лег. Он молчал. Даже не пытался ничего промычать сквозь липкую ленту.

Потребовалось некоторое время, чтобы собрать все необходимое. Самым сложным оказалось растянуть цепь настолько, чтобы кончиками пальцев дотянуться до смолы, сочившейся из досок. Все остальное находилось в пределах досягаемости: бутылка, деревянная щепка от половицы, обрывки бумаги, на которых он сидел.

Тогда он стащил один ботинок, а потом так глубоко ткнул щепкой в запястье, что глаза наполнились слезами. Минуту или две кровь капала на блестящий ботинок. Затем он выдрал большой кусок бумаги из подстилки, обмакнул щепку в кровь, повернулся на бок, потянув за собой цепь таким образом, чтобы видеть то, что он пишет за спиной. Собрав все свои силы, он мелкими буквами поведал об их беде. Подписав сообщение, скатал листок бумаги и запихнул его в бутылку, не забыв затолкать в горлышко немного смолы. Он выпрямился и несколько раз тщательно проверил, все ли сделал правильно.

Едва закончив, он услышал глубокий звук гудящего двигателя. На этот раз сомневаться не приходилось. На секунду задержав взгляд на брате, он изо всех сил потянулся в направлении света, пробивающегося сквозь широкую щель в стене, — единственное отверстие, через которое можно было вытолкнуть бутылку наружу.

Затем дверь отворилась, и показался мужчина невысокого роста, который вошел внутрь в облаке белых снежинок.

Тишина.

Раздался шлепок о воду.

Бутылка была отпущена.

Карл проснулся. Он, конечно, ожидал очутиться в более приятной обстановке.

Первое, что он ощутил, — это жуткий запах изо рта, как будто в животе у него пробился сероводородный ключ. Затем, открыв глаза и осмотревшись, он обнаружил рядом с собой спящую женщину, из уголков рта у нее подтекали слюни.

«Проклятье, это же Сюзсер», — сообразил он и попытался вспомнить события минувшей ночи.

Итак, Сюзсер. Его не расстающаяся с сигаретой соседка. Балаболка предпенсионного возраста и мастерица на все руки из мэрии Аллерёда.

Ужасная мысль промелькнула в его голове. Карл медленно приподнял одеяло, после чего облегченно вздохнул: несмотря ни на что, он все еще был в трусах.

Карл выругался, убирая жилистую руку Сюзсер со своей груди. Такой головной боли он не испытывал с тех пор, как Вигга покинула дом.

— Благодарю, обойдемся без подробностей, — предупредил он, встретив на кухне Мортена и Йеспера. — Только объясните мне, что эта дама забыла в моей постели?

— Старая ведьма весит целую тонну, — заметил пасынок, поднося ко рту только что открытый пакет с соком.

Когда Йеспер научится пользоваться стаканом, не смог бы предсказать даже Нострадамус.

— Извини, Карл, — сказал Мортен, — но она не могла найти ключи, а ты все равно уже вырубился, вот я и подумал...

«Больше никаких гриль-вечеринок с Мортенем», — пообещал себе Карл и бросил взгляд в комнату на кровать Харди. Две недели назад коллега въехал в квартиру Карла, нарушив привычный домашний уют. Дело не в том, что регулируемая по высоте кровать занимала четверть площади комнаты и частично загораживала вид на сад; и не в том, что капельница или переполняющиеся мешки с мочой причиняли Карлу какие-то неудобства; и даже не в том, что полностью парализованное тело Харди непрерывно испускало зловонные газы. Нет, причиной произошедшей перемены было чувство вины, которое возникло у Карла, — за то что у него самого обе ноги здоровые и он может перемещаться на них, когда и куда захочет. Карлу стало казаться, что он должен оправдываться за эту свою способность. Жертвовать чем-то. Все время что-то делать для обездвиженного мужчины.

— Успокойся, — говорил Харди, когда они несколько месяцев назад обсуждали плюсы и минусы его переезда из клиники спинномозговых травм в Хорнбэке. — Здесь между твоими посещениями проходит целая неделя. Так тебе не кажется, что я могу иногда обойтись и без твоего непосредственного внимания, если переберусь к тебе?

Но оказалось, что Харди мог просто тихо дремать, как сейчас, и все же его присутствие продолжало беспокоить Карла. Оно отражалось на мыслях, на планировании дня, на словах, которые необходимо было тщательно взвешивать, прежде чем произнести вслух. Это доставляло неудобство. А что ни говори, испытывать постоянное неудобство в собственном доме ужасно. К тому же добавились бытовые обязанности — стирка, смена белья, уход за внушительным телом Харди, покупки в магазинах, общение с медсестрами и представителями власти,

приготовление еды. Конечно, с этим помогал и Мортен, но все же.

— Как спал, дружище? — осторожно спросил Карл, подойдя к постели Харди.

Старый коллега приоткрыл глаза и медленно улыбнулся:

— Ну вот отпуск и закончился. Добро пожаловать к штурвалу, Карл. Четырнадцать дней истекли, они были тяжелыми. Но мы с Мортеном справимся. Только передай привет парням от меня, ладно?

Карл кивнул. Как же тяжело сейчас Харди! Если бы кто-нибудь мог поменяться с ним местами хоть на один день...

Раздобыть бы где-нибудь один день для Харди!

Кроме охранников в будке, Карл никого не встретил. Весь персонал полицейского управления словно ветром сдуло. Коридор выглядел по-зимнему серым и неприветливым.

— Что, черт возьми, происходит? — закричал Карл, спускаясь в подвал.

Он ожидал шумного приветствия, надеялся ощутить резкий запах мятной жвачки Асада или услышать, как Роза напевает какую-нибудь классическую мелодию, но все словно вымерло. Неужели они покинули судно, пока он пребывал в двухнедельном отпуске по случаю переезда Харди? Карл заглянул в комнатку Асада и в недоумении осмотрелся: ни фотографий престарелых тетушек, ни молитвенного коврика, ни коробок с сахарным печеньем. Даже лампы выключены.

Карл прошел по коридору и включил свет в своем кабинете. Уютные владения, где он уже раскрыл три дела из пяти. Место, где не действовал запрет на курение и где все старые дела, находящиеся на рассмотрении отдела «Q», в целостности и сохранности были аккуратно раз-

ложены по трем стопкам согласно непогрешимой системе Карла.

И тут он замедлил шаг, увидев перед собой совершенно неузнаваемый полированный стол. Ни пятнышка. Ни клочка бумаги. Ни единого плотно исписанного листа, на который так приятно положить уставшие ноги и который затем можно выбросить в мусорное ведро. Ни одного файла. Словом, все будто ветром сдуло.

— Роза! — закричал он настойчиво.

Крик огласил пустой коридор. Карл почувствовал себя Палле¹, который остался один на целом свете. Последним живым человеком, петухом, лишенным курятника. Королем, готовым отдать свое царство за коня². Он схватил телефон и набрал номер Лизы, работающей на третьем этаже в отделе по расследованию убийств.

Прошло секунд двадцать пять, прежде чем трубку сняли.

— Секретариат, отдел «А», — произнес голос фру Сёренсен, самой ненавистой Карлу сотрудницы.

Это была волчица Ильза³ собственной персоной.

— Фру Сёренсен, — по-кошачьи мягко произнес Карл. — Это Карл Мёрк. Я сижу здесь в абсолютном одиночестве. Что случилось? Вы не знаете, где Асад и Роза?

Ей потребовалась какая-то доля секунды на то, чтобы бросить трубку. Вот паразитка.

Карл встал и направился к месту дислокации Розы чуть дальше по коридору. Возможно, там он разгадает тайну исчезнувших материалов. Эта мысль казалась ему вполне логичной, пока он не обнаружил, что на стене

¹ Главный герой рассказа датского писателя Йенса Сиггорда «Палле один на свете». — *Здесь и далее, кроме специально отмеченных, примечания переводчика.*

² Отсылка к пьесе У. Шекспира «Ричард III» («Коня, коня! Мое царство за коня!») — *Ред.*

³ Главная героиня эротического фильма «Ильза, волчица СС» (1975, США).

между кабинетами Асада и Розы висят штук десять мягких оргалитовых плит с прикрепленными к ним делами, которые две недели назад лежали на его столе. Стремянка из полированной лиственницы отмечала место, где было прикреплено последнее дело. Как раз одно из двух, которые им пришлось бросить. Уже второе подряд нераскрытое.

Карл отступил назад, чтобы получше рассмотреть картину бумажного ада. Что, черт возьми, делают его бумаги на этой стене? Асад и Роза совсем сошли с ума? И этих придурков просто выставили?

А что еще можно подумать?

На третьем этаже обстановка была такая же. Никого. Даже место фру Сёренсен за стойкой зияло пустотой. Кабинет начальника отдела по расследованию убийств. Кабинет заместителя. Кухня. Комната совещаний. Везде пусто.

«Что за чертовщина? — подумал Карл. — Может, была угроза взрыва? Или реформа полиции зашла настолько далеко, что сотрудников выгнали на улицу, а здание выставили на торги? Неужели новый министр юстиции рехнулся? А TV2 разогнали?»

Он почесал в затылке, снял трубку и позвонил охранникам:

— Карл Мёрк на проводе. Куда подевались все люди?

— Большинство на собрании в Мемориале.

— В Мемориале?! До девятнадцатого сентября еще больше чем полгода. Зачем? Сегодня ведь не годовщина интернирования датской полиции!¹ Так что они там за были?

— Глава полиции пожелал обсудить с несколькими отделами подробности реформы. Извини, Карл, мы думали, ты в курсе.

¹ 19 сентября 1944 г. немецкие оккупационные власти расформировали, разоружили и интернировали весь состав датской полиции.

— Но я только что говорил с фру Сёренсен...

— Видимо, она переадресовала звонки на свой мобильный.

Карл покачал головой. Всю жизнь они были недоумками. Не успел он переступить порог управления, как министр юстиции придумал что-то новенькое.

Мягкое кресло начальника отдела по расследованию убийств так и манило. Здесь, по крайней мере, можно побыть с закрытыми глазами без свидетелей.

Через десять минут Карл проснулся оттого, что шеф положил ему руку на плечо. Открыв глаза, Карл увидел перед собой смеющиеся глаза Асада, заглядывающего ему в лицо. Все, спокойствие кончилось.

— Идем, Асад, — он привстал с кресла, — живо пошли в подвал срывать бумаги со стены. Понял меня? Где Роза?

Асад покачал головой:

— Мы не можем, Карл.

Мёрк поднялся и оправил рубашку. Что Асад имеет в виду? Конечно, они сейчас пойдут и сорвут. Разве не Карл решает, что делать?

— Идем. И Розу захвати. Сейчас же!

— Подвал закрыт, — пояснил заместитель начальника Ларс Бьёрн. — Осыпается асбест из изоляции труб. Приходили из инспекции по контролю за соблюдением условий труда. Такие вот дела.

Асад закивал:

— Да, нам пришлось отнести вещи наверх. И нам тут не очень нравится. Но зато мы нашли отличное кресло для тебя, — добавил он, словно это известие могло утешить. — Да, остались только мы вдвоем. Роза не хочет сидеть наверху, так что она решила продлить себе выходные, но чуть позже подойдет.

Наверное, такой же эффект можно было произвести, пнув Карла в самую болезненную часть тела.

Она сидела, уставившись на зажженные свечи, пока те не догорели и ее не окутала тьма. Муж и прежде много раз оставлял ее в одиночестве, но только не в годовщину свадьбы.

Глубоко вздохнула и встала. Она уже не замирала у окна в ожидании. Не писала его имя на стекле в образовавшемся от ее теплого дыхания круге.

Когда они начали встречаться, ее предостерегали. Подруга выражала сомнения, мать высказывалась прямо. Он был слишком стар для нее. В его глазах сидели злые занозы. Человек, на которого нельзя положиться. Поступки которого нельзя предугадать.

Поэтому она уже очень давно не виделась с матерью и подругой. От этого усиливалось отчаяние, потребность в них стала огромной, как никогда.

С кем ей поговорить? Рядом никого не осталось.

Она смотрела на пустые прибранные комнаты, поджав губы, на глаза наворачивались слезы.

Услышав, что ребенок зашевелился, она взяла себя в руки. Вытерла нос и сделала два глубоких вдоха. Если муж ей изменяет, пускай и он на нее не рассчитывает. В жизни столько всего интересного!

Муж проник в спальню беззвучно, лишь тень на стене разоблачила его. Широкие плечи, открытые объятия. Он лег и привлек ее к себе, не говоря ни слова. Теплый и нагой.

Она ждала нежных слов и исчерпывающего объяснения. Боялась еле уловимого запаха другой женщины и отяжеленного муками совести промедления, но вместо этого он схватил ее, грубо повернул и в порыве страсти сорвал с нее одежду. Луна освещала его лицо и разжигала ее страсть. Теперь время ожидания, разочарований, тревог и сомнений ушло прочь.

Последний раз он был таким шесть месяцев назад.

Слава богу, это случилось снова.

— Дорогая, тебе придется смириться с тем, что я уеду на некоторое время, — погладив малыша по щеке, неожиданно объявил он за завтраком, так непринужденно, словно речь шла о какой-то ерунде.

Она на мгновение нахмурилась и поджала губы, чтобы подавить в себе намерение задать очевидный вопрос, затем положила вилку на тарелку и уставилась на омлет с кусочками бекона. Ночь была долгой, и все еще всплывала приятным ощущением в области живота, воспоминаниями о завершающих ласках и теплых взглядах и до сего момента заставляла забыть о времени и пространстве. Но только до сего момента. Потому что теперь в комнату пробралось бледное мартовское солнце, как непрошенный гость, и ясно осветило данность: муж куда-то собрался. Опять.

— Почему ты не можешь раскрыть мне, чем занимаешься? Я твоя жена. Я никому не скажу.

Его рука с вилкой застыла в воздухе. Взгляд омрачился.

— Нет, в самом деле, — продолжала она. — Сколько мне ждать, что ты снова будешь таким, как этой ночью? Мы вновь пришли к тому, что я понятия не имею, что ты делаешь и где находишься мыслями, когда сидишь здесь.

Он взглянул на нее пронизательно:

— Разве ты не знала с самого начала, что я не могу говорить о своей работе?

— Знала, но...

— Вот пускай так и будет.

Он положил вилку с ножом на тарелку и повернулся к сыну, изобразив некое подобие улыбки.

Она дышала медленно и глубоко, но ее переполняло отчаяние. Это правда. Задолго до свадьбы он дал понять, что у него есть задания, о которых нельзя говорить. Возможно, тогда он намекнул на какую-то связь с разведкой — точно она уже не помнила. Однако, насколько ей было известно, люди, находящиеся на службе в разведке, вне работы живут вполне нормальной жизнью, а вот ее семейную жизнь никак нельзя назвать нормальной. Если, конечно, разведчики столь же усердно не тратят время на альтернативные задания вроде супружеской измены, ибо в ее понимании все сводилось именно к этому.

Она собирала тарелки и размышляла, не предъявить ли ему ультиматум прямо сейчас, пусть даже рискуя вызвать его гнев. И хотя она опасалась его гнева, но реальных последствий пока не представляла.

— Так когда я увижу тебя снова? — спросила она.

Он с улыбкой посмотрел на нее:

— Думаю, что вернусь к следующей среде. Работа займет восемь-десять дней.

— Хорошо, вернешься как раз к своему турниру по боулингу, — язвительно заметила она.

Он встал и прижался к ее спине своим огромным телом, обхватив руками под грудью. Когда-то, чувствуя его голову на своем плече, она начинала трепетать. Но теперь отстранилась.

— Да, — сказал он, — я действительно успею вернуться к турниру. Так что совсем скоро мы с тобой освежим в памяти события минувшей ночи. Договорились?

После того как он ушел и стих звук автомобиля, она еще долго стояла, скрестив руки, рассеянно озираясь. Одно дело — жить в одиночестве. И совсем другое — не

иметь ни малейшего понятия о том, во имя чего ты должен платить слишком высокую цену. Шанс уличить такого человека, как ее муж, в какой-либо форме обмана был минимальным, и она это знала, хотя никогда и не пыталась. Он был осторожным человеком, это подтверждала вся их совместная жизнь. Пенсии, страховки, проверка дверей и окон, чемоданов и дорожных сумок, всегдашний порядок на столе — и никогда ни единого клочка бумаги или забытой квитанции в кармане или в ящике стола. Он был человеком, который не оставляет после себя лишних следов. Даже его запах ощущался не больше пары минут после того, как он покидал помещение. И как же уличить его в измене? Разве что нанять частного детектива, но откуда взять на него деньги?

Она выпятила нижнюю губу и медленно выдохнула. Этот жест всегда предшествовал принятию ею важного решения. Прыжку через самую высокую перекладину, выбору платья на конфирмацию... Да, озвученному согласию выйти за него замуж, а теперь выходу на улицу. Ей нужно было проверить, не окрасится ли жизнь в иные краски при мягком естественном свете.

З

Скажем прямо: сержант Дэвид Белл любил выезжать за город, усаживаться на берегу и созерцать, как волны разбиваются о выступающие из воды скалы. Далеко-далеко у деревушки Джон-О'Гротс, самой северной точки Шотландии, где солнце светит совсем мало, но потому еще прекраснее. Здесь добродушный толстяк Дэвид родился, здесь же он и умрет, когда придет час.

Дэвид был прямо-таки создан для неистового океана. Так почему же он влачил жалкое существование на шестнадцать миль южнее, в полицейском участке на Банкхэд-роуд в городе Вик? Нет, ленивый портовый городок ничего не имел против Дэвида.

Именно поэтому начальство отправляло в северные деревеньки именно его, когда необходимо было прекратить какие-либо беспорядки. И Дэвид приезжал туда на служебном автомобиле и грозил возбужденным парням вызвать офицера из Инвернесса, и все успокаивалось. Здесь не желали, чтобы чужаки из города топтались во дворе, уж лучше лошадиная моча в «Оркней Скалсплиттер»¹. Было довольно обидно, что те, кто погружался на паром до Оркнея, проходили мимо.

Но как только страсти были погашены, сержанта Белла ждали волны, и он с удовольствием проводил время, любуясь ими.

¹ Марка шотландского пива. — *Ред.*

Если бы не хорошо известная всем любовь Дэвида Белла к созерцательности, то бутылка так и сгнула бы. Но сержант все-таки оказался в нужном месте в своей выглаженной форме; ветер тербил его волосы, фуражка лежала рядом на камне. В общем, нашлось кому извлечь бутылку из воды.

Вот так все и случилось.

Бутылка крепко застряла в траловой сети и слегка поблескивала, хотя со временем и поистерлась. Самый юный матрос на катере «Брю Дог» сразу заметил, что она не совсем обычная.

— Выкинь ее обратно в море, Симус, — крикнул шкипер, увидев внутри листок. — Такие бутылки приносят несчастье. «Бутылочная чума», так мы прозвали это явление. Дьявол скрывается в чернилах, он только и ждет, чтобы его освободили. Неужели ты не знаком с подобными историями?

Но юный Симус не знал никаких историй и предпочел передать бутылку Дэвиду Беллу.

Когда сержант наконец-то вернулся в участок, один из местных пьянчужек успел разгромить два кабинета; сотрудники уже утомились удерживать хулигана на полу. Вот почему Белл скинул пиджак, а бутылка выпала из кармана. И вот почему он поднял ее и поставил на подоконник. Белл собирался усмирить пьяного идиота, сев ему на грудь и слегка перекрыв доступ воздуха. Но как известно, подлинный потомок викингов в Кейтнесе без борьбы не сдается. И пьянчужка так основательно отделал Дэвида Белла, что у того все мысли о бутылке растворились в четких голубых вспышках, которыми взорвалась его измученная нервная система.

А потому всеми забытая бутылка так и простояла долгое время на подоконнике в ярко освещенном солнцем углу. Никто не замечал ее, никого не волновало, что конденсат, образовавшийся вследствие солнечного света

и скопившийся на стенках, не самым лучшим образом воздействует на бумагу, запрятанную внутри. Никто не взял на себя труд прочесть самую верхнюю строчку из полустершихся букв, а потому никто и не задумался, что конкретно подразумевалось под словом «ПОМОГИТЕ».

Бутылка вновь привлекла внимание только тогда, когда некий недоумок, решивший, что его несправедливо оштрафовали за неправильную парковку, начал распространять вирусы по внутренней компьютерной сети полицейских участков в Вике. В подобных ситуациях за помощью обычно обращались к эксперту по информационным технологиям Миранде Маккаллоу. И когда педофилы шифровали творимый беспредел, и когда хакеры заматали следы после осуществленных банковских операций, и когда грязные на руку представители государственных органов чистили свои жесткие диски, все начинали молиться именно на эту женщину.

Ее усаживали в офисе, сотрудники которого чуть не плакали, и обслуживали так, словно она королева. Термосы с горячим кофе, запахнутые настезь окна и радио, настроенное на волну «Радио Шотландия». О да, Миранду ценили повсюду, где она появлялась.

Она заметила бутылку в первый же день своей работы: окно было открыто и занавески слишком развевались. «Какая хорошенькая бутылочка», — подумала Миранда, перелопачивая бессчетные столбцы цифр, скрывавших вредоносные коды, и сильно удивилась, обнаружив внутри какую-то тень. На третий день работы, вполне удовлетворенная результатами и уже догадываясь о том, вирусов какого типа можно ожидать в будущем, Миранда поднялась со своего места и подошла к подоконнику, чтобы взглянуть на бутылку, которая оказалась значительно тяжелее, чем можно было подумать. Да к тому же теплая.